

**ТОРЖЕСТВО САМОДЕРЖАВИЯ:
АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ ПРОТИВ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА.
КОНФЛИКТ «ОТЦОВ И ДЕТЕЙ» В ГОЛЛАНДСКОЙ
ДРАМАТУРГИИ XIX В.**

Emmanuel Waegemans

**THE TRIUMPH OF AUTOCRACY: ALEXEI PETROVICH
VERSUS PETER ALEXEEVICH. THE CONFLICT
OF FATHERS AND SONS IN THE DUTCH DRAMA
OF THE 19TH CENTURY**

The author explores an episode of 18th century Russian history: i.e. the conflict between Peter I and his son Alexei Petrovich, reflected in the plays of Dutch playwrights in the first half of the 19th century. Referring to *Peter de Groote, Zar van Rusland* of Arent van Halmael, the author describes the peculiarities of the Dutch writer's understanding of the conflict. The writer focuses on showing the reader the tsar's inner conflict caused by the necessity to execute his son as a traitor while sensing his paternal attachment to him. It is in Johannes de Wal's *Peter de Groote, Treurspel*, that the discrepancy between the love of a father and the tsar's duty as head of the country takes on an even more pronounced shape. The young playwright portrays the son's deep attachment to his father, demonstrating a theme that power exacts a heavy price. The Dutch reader's attention is stimulated through the unique Russian portrayal of events.

Keywords: Arent van Halmael; Johannes de Wal; historical drama; 19th century Dutch literature; conflict between Peter I and tsarevich Alexei.

Автор рассматривает художественное воплощение сюжета из русской истории XVIII в. – конфликт между Петром Первым и его сыном Алексеем Петровичем – в пьесах голландских драматургов первой половины XIX в. Обращение к произведению Арента ван Халмаля (Arent van Halmael) «Петр Великий, царь России» (*Peter de Groote, Zar van Rusland*) показывает особенности понимания конфликта автором пьесы. Для него оказывается важным открытие зрителю переживаний государя, связанных с трагическим конфликтом между необходимостью казни сына как изменника и отцовской привязанностью. В еще большей степени диссо-

нанс родительской любви и государственного долга запечатлен в произведении Йоханнеса де Валя (Johannes de Wal) «Петр Великий. Трагедия» (*Peter de Groot. Treurspel*). Молодой драматург передает искреннюю привязанность сына к отцу, поднимая в историческом сюжете общечеловеческую тему неизбежной и жестокой платы за обладание властью. Усиливает интерес голландского читателя российский контекст описываемых событий.

Ключевые слова: Арент ван Халмаль, Йоханнес де Валь; историческая драма, голландская литература XIX в., конфликт Петра Первого и царевича Алексея.

Йоханнес де Валь

Известный голландский историк Якоб Шелтема, автор четырехтомной истории отношений России и Голландии, в конце главы о второй поездке русского царя в Голландию в 1717 г. пишет:

Das vereinte Gejauchze seines Volkes begleitete ihn bis zu seinem Palast, wo ihn jedoch das jämmerlichste Trauerspiel erwartete. Der Kronprinz Alexis war während seiner Abwesenheit aus dem Reiche geflohen und als Gefangener zurückgeführt. Jetzt mußte der Vater über den Sohn Richter sein [Scheltema, Bd. 3, S. 427–428]¹.

В четвертой части своей работы историк продолжает:

Der Vater Richter über den Sohn! Wer kennt eine andere Handlung, in der solche zärtliche und so zahlreiche Beziehungen zusammenkommen? Und wer ist nicht der Meinung, dass solche Handlung verschieden beurteilt werden muss? Diejenigen, die nur das väterliche Gefühl heranziehen, werden bestimmt mit uns in Zweifel geraten bei der Frage: ob die Pflicht des Fürsten je so weit gehen kann, dass man dieses Gefühl völlig außer Acht lassen kann? Man möge Peter nicht beurteilen nach unserem eigenen Gefühl und nach den engen Kreisen unserer Bestimmung. Er fühlte sich dazu berufen, das russische Reich zu festigen; er handelte im großen Gefühl dieser erhabenen Berufung; aus diesem Gesichtspunkt muss unseres Erachtens diese Affäre betrachtet

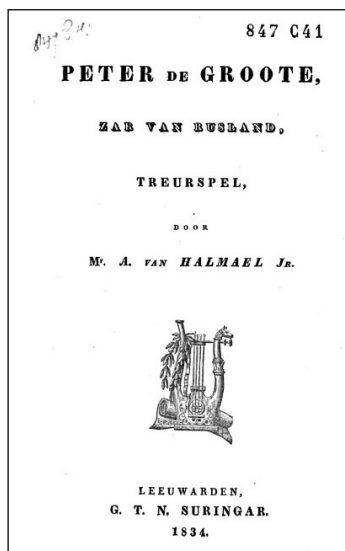
¹ «Ликуя, весь народ провожал его <Петра> до дворца, где его ожидала ужасная трагедия. Во время отсутствия Петра царевич Алексей совершил побег из страны, был пойман и заключен в темницу. Теперь отец должен был вершить суд над сыном». (Здесь и далее перевод цитат наш. – Прим. перев.)

werden, und dann wird der bedächtige Nachkomme mehr Kraft und Ernst in der Nötigung bei ihm vorfinden als Grausamkeit mit Absicht oder durch Hetzen und Irreführung [Scheltema, Bd. 4, S. 1–2]².

Голландский посол в России Якоб де Би летом 1718 г. свидетельствует: «Seit den Zeiten König Philipps II. von Spanien und seines Sohnes Don Carlos hat die Christenheit nichts gesehen, was diesem Ereignis ähnlich wär» («Со времен Филиппа II, испанского короля, и его сына дона Карлоса христианский мир не наблюдал ничего подобного этому событию») [цит. по: Wittram, S. 402]³.

Сам Петр сетовал в связи с необходимостью ужасного выбора: «Страдаю, а всё за отечество, желая ему полезное; враги пакости мне деют демонские; труден разбор невинности моей тому, кому дело сие неведомо, Бог зрит правду» [цит. по: Соловьев, с. 302].

В 1834 г. во фризской столице Леувардене была опубликована трагедия «Петр Великий, царь России» (*Peter de Groot, Zar van Rusland*) голландского юриста и литератора Арента ван Халмаля (Arent van Halmael, 1788–1850) [Halmael], бывшего также известным историком Фрисландии⁴. Его перу принадлежали пьесы на различную историческую тематику. Говоря о своих драматургических опытах, автор утверждал, что он «не стремится к известности и славе, а только хочет быть полезным» ('strebe nicht Ehre und Ruhm nach, sondern wolle nur nützlich sein').

Примечательно, что голландский автор перемещает действие драмы о Петре в старую столицу, хотя исторически все события происходили в Санкт-Петербурге. Пьеса начинается с центрального эпизода, в котором Петру необходимо принять решение о судьбе сына-заговорщика и в котором зритель становится свидетелем его пере-

² «Отец должен судить сына! Кто еще знает ситуацию, в которой переплетаются такие близкие и такие многогранные отношения? И кто не считает, что эта ситуация может быть разрешена по-разному? Те, кто ориентируются только на отцовские чувства, наверняка будут смущены нашим вопросом: может ли царь, ведомый долгом, пойти так далеко, чтобы полностью игнорировать эту привязанность? Нельзя осуждать Петра, исходя только из наших чувств и узких представлений о собственной судьбе. Царь чувствовал свою миссию в том, чтобы укрепить Российскую империю; он действовал исходя из этого высокого призвания; по нашему мнению, нужно рассматривать это дело с его точки зрения, и тогда осторожные потомки заметят проявления силы и уверенности в сложной ситуации, а не только жестокость, совершенную намеренно или в спешке и по причине заблуждений».

³ См. также: [Schwarz; Рыженков].

⁴ Фрисландия – провинция в Голландии. – Прим. перев.

живаний. В разговоре с Меншиковым и Крюйсом государь признается:

Mein Aleksej, ach, mein eigner Sohn,
was für ein Schmerz,
Dass ich es aussprechen muss,
durchsticht mein Vaterherz!⁵

Царя мучает то, что Алексей из-за ложных опасений за свою жизнь тайно покинул отечество, оклеветал отца при австрийском дворе и искал там защиты, полагая, что ему грозит наказание. Автор не лишает Петра родительской привязанности к сыну, он открывает внутренний конфликт в его душе – столкновение государственного долга и отцовских чувств:

...verdiene er den Tod, der Schurke!
Doch möge er leben, er ist und bleibt mein Sohn,
ich bin sein Vater und vergebe ihm⁶.

Сердцем царь тянется к сыну:

Habe ich auch Evdokija, seine Mutter, verstossen müssen,
Für ihren Spross jedoch war nie dies Herz verschlossen⁷.

Вопрос о престолонаследии приводит государя в ужас:

Kein Aleksej darf je Peters Platz innehaben!
Alles was ich habe, würde er verlieren,
Zerstören was ich gebaut, und dem Bösen vor dem Guten Vorschub geben,
Und euch wieder in die greifbare Finsternis stürzen,
Die ich vertrieben hab⁸.

PERSONEN.	
PETER ALEKSEWITSCH,	Zar van Rusland.
KATHARINA,	zijne gemalin, Zarin.
EVDOKIA LADOGHIN,	zijne vroegere en verfootene gemalin.
ALEKSI,	zijn zoon, Zarówitsch.
DOSTIJEI,	Metropolitaa van Ruffif.
ALEKSENDER MESTTSCHTSCHIKOF,	Prins en eerste Minister.
CORNELIUS CAUVY,	Vice-Admiraal.
ALEKSENDER KIKIN,	Raad ter Admiraliteit.
STEFJAN GLEBÓF,	Generaal-Majoor.
LIMÓF,	Kapitein in het Regiment Proefschónsky.
EEN DÓTSCHTSCHIK	van den Zar.
=====	
MINISTERS.	
SÉNATERS.	
GEHEINRADES.	
KNARREN.	
WOEWÓDEN.	
BOJÉREN.	
OFFICIEREN der Zee- en Landmacht.	
ORDEANERS van het Regiment Proefschónsky.	
ZAMENGEWOORENEN.	
DÓTSCHTSCHIKKEN.	
<i>Het stuk speelt te Maskóv, in den winter van het jaar 1718.</i>	
<i>De orde, in welke de optredende personen genoemd worden, bepaalt hunnen stand ten toneele, van de rechterzijde af te rekenen.</i>	

⁵ «Мой сын, мой Алексей, он не знает, что это за боль, Слова, которые я должен произнести, пронзают мое сердце».

⁶ «...он, негодяй, заслуживает смерти! Но несмотря на то, будет ли он жить, он был и останется моим сыном, а я его отец и прощаю его».

⁷ «Я должен был мать Алексея, Евдокию, отвергнуть, Но для потомка это сердце никогда не было закрыто».

⁸ «Никогда Алексей не сможет быть на месте Петра! Все, что у меня есть, он потеряет, Разрушит то, что я построил, зло будет торжествовать над добром И повергнет нас снова в кромешную тьму, Которую я смог прогнать».

Петр просит соратников отречься от Алексея в пользу сына Екатерины. От своего же сына царь требует отказаться от претензий на трон и назвать имена заговорщиков. После этого у Алексея происходит разговор с одним из заговорщиков – Кикиным: царевич резко критикует своего отца, считая его «бастардом», необразованным варваром, который презрел обычаи предков, привечает инакомыслящих, ограничил права бояр и оскорбил его честь перед лицом русской аристократии. Он задает риторический вопрос: «Kann man das einen Vater nennen, ist er Vater oder Henker?» («Можно ли назвать его отцом, он отец или палач?). Алексей настроен воинственно и с пафосом возглашает: «So gehen wir – zum Altar, zur Kirche, zum Kerker, und wär's zum Grabe!» («Идем же – к алтарю, в церковь, в тюрьму и, возможно, – к могиле!»). В союзе с матерью и епископом Досифеем он намеревается поднять восстание против отца. На тайной встрече Евдокии, Алексея и духовенства скрытой от государевых глаз активной стороной выступает Евдокия – первая жена Петра. Отвергнутая царем, она поддерживает заговор против своего мужа:

Die Stunde naht,
In der Boshaftigkeit Rache findet !
Ich unterwarf mich, bis das Wort von Gottes Gesandten
Zur Rache und zur Rettung unseres Landes mich aufrief⁹.

Евдокия видит себя законной правительницей, а своего сына – русским царем и предрекает горе тем, кто выступит против них. В ее словах слышится боль обманутой женщины и матери. Петр был «ehrenlose Vater, der Barbar, der Tyrann, der Verräter» («отцом без чести, варваром, тираном, предателем»). Действие трагедии развивается так, что, когда замысел убийства государя внезапно открывается Алексею, он ошеломленно произносит, отказываясь его поддерживать:

Hab ich ihn geliebt? Ich verabscheue ihn, ja, ich hasse ihn
Ihn zu ermorden jedoch, oder des Mordes Mitwisser zu sein!
Das ist mir unmöglich!¹⁰

Автор морально оправдывает царевича, который не готов наследовать власть через преступление – «Nie durch Greuel den Thron!» («взойти на престол через злодейство»). Тогда к убеждению наследника прибегает епископ, доказывая Алексею, что убийство царя-тирана не противоречит христианской добродетели.

⁹«Час пробил, чтобы
Коварно отомстить!

Я покорялась, пока слово посланника божьего
К мести и спасению Родины меня не призвало!»

¹⁰«Разве я его любил? Я презираю его и даже ненавижу,
Но убить его или стать сообщником убийцы
Для меня немислимо!»

На данном этапе развития действия пьесы Петр еще собирается сохранить жизнь своему сыну: «Den Kummer, den ich als Zar Euch heut' antue, den ich Euch antun musste, will ich als Vater heilen» («Горе, которое я должен причинить, будучи царем, я исправлю как отец»). Если сын захочет сблизиться с царем, то Петр ощутит себя «von neuem ganz Vater sein» («снова настоящим отцом»). Автор показывает, как задевают Петра обвинения сына в том, что в молодости, оставив жену, он был равнодушен к судьбе наследника. Арент ван Халмаль вводит образ Екатерины – второй жены царя, которая в разговоре с Петром призывает его пощадить сына, обращаясь не только к чувству милосердия, но и к представлениям о родовой чести:

Schont Aleksej, lasst ihn wieder Eure Gunst genießen <...>
Beschwert ihn nicht mit Schande und seid nicht all zu grausam.
<...>
Ihr dürft den Rang und Namen Eures Sprösslings nicht mehr besudeln,
Und sollt seine Missetat mit Gnaden bedecken.
Des Vaters Schand' und Schuld werden auf der Nachkommenschaft ruhen,
Die noch nach Jahren, sogar nach Jahrhunderten, schamrot wird,
Und trauert und leiden muss und unverschuldet die Scham tragen muss¹¹.

Екатерина предлагает отправить Алексея в монастырь:

Möge ein Kloster ihn aufnehmen, möge seine Seele dort genesen,
Und die Erde vergessen, mit all dem was ihn jetzt quält und drückt¹².

Впечатляюще описана встреча Петра, Екатерины и Евдокии. Автор заостряет конфликт, соединяя в нем политические и семейно-родовые мотивы. Евдокия упрекает Петра в том, что он не только несправедливый правитель, но и плохой отец, и бросает ему обвинение в предательстве Отечества, поскольку настоящий государь должен чтить закон. В ответ Петр жестко дает ей понять, что право на престол теряет не только Алексей, но и его дети – наследование трона переходит к сыну Петра и Екатерины¹³. Разгневанная Евдокия называет Петра «einen Bastardfürsten» («князем-ублюдком»), и, покидая дворец, бывшая царица произносит злые, ядовитые слова:

¹¹ «Пощади Алексея, пусть он будет под нашей защитой...
Давай не будем срамить его, жестоко с ним поступать.
<...>

Не позорить честь и имя нашего потомка мы должны,
А смягчить его проступок своей милостью.
Отцовский позор и вина лягут на потомство,
Которое спустя годы и даже столетия будет стыдиться,
И печалиться, и страдать, и незаслуженно нести позор».

¹² «Если бы его приняли в монастырь, его душа там бы возрадовалась
И забыла бы все то земное, что сейчас его терзает и мучает».

¹³ На самом деле, известно, что Петр не оставил завещания о передачи власти. –
Прим. ред.

Ich gehe, um für immer von Euch, Tyrann, zu scheiden!
 Ich will Euch, Ehebrecher, für immer entkommen,
 Gebe Gott, Euch niemals wiederzusehen!¹⁴

Для оправдания причин отцовской жестокости Петра автор вводит эпизод с готовящимся военным переворотом. Меншиков получает новости из Мекленбурга, что находящиеся там русские войска проявляют недовольство, они ненадежны и готовы бунтовать. Он добавляет, что «es auch in diesen Wänden unruhig sei» («в этих стенах также неспокойно»). Заговорщики в лице Алексея, его матери и епископа готовятся к восстанию, и царевич произносит слова, в которых также звучит патриотическая идея:

Rechtschaffene Freunde, der Kummer Russlands steigert sich
 Jeden Tag, jeden Augenblick.
 Keine Handlung des Zaren, die aller Furcht und Angst
 Vor dem Untergang des Landes nicht steigen liesse!¹⁵.

Досифей метафорически называет Алексея «Schutz und Hort der abgeplagten Kirche und des grausam unterjochten Staates» («защитой и убежищем гонимой церкви и жестоко поработанного государства»). Он говорит о бывшем ему видении, в котором святой Дмитрий – небесный покровитель России – предрек скорую смерть царя и указал епископу на Алексея, который вместе со своей матерью должен управлять Россией после Петра.

Но неудачные заговорщики пойманы царем с поличным, а Кикин убит лично Петром. С раскрытием заговора терпению царя приходит конец:

Jetzt ist das Schicksal meines Sohnes bestimmt ; jeden Tag mehrn sich
 Seine Freveltaten ; ihr Lauf wird endlich völlig gehemmt.
 Möge man noch heute Nacht seiner Schuld ein Urteil fällen!¹⁶.

В последнем действии на сцене появляются Крюйс и Екатерина. Крюйс понимает, что Алексей может рассчитывать теперь только на милость царя, но «nicht auf Vergebung der Schuld» («не на прощение вины»). В отличие от милосердной Екатерины он поддерживает решение государя. В его речи реанимируется образ жертвенной крови, пришедший в литературу эпохи романтизма из глубокой древности:

¹⁴ «Я навеки собираюсь расстаться с тобой, тиран!
 Я хочу навсегда уйти от тебя, изменник!
 Дай Бог никогда тебя больше не увидеть!»

¹⁵ «Верные друзья, горе России возрастает
 Каждый день, каждое мгновение.
 Никакое действие царя не может превозмочь
 ужас и страх перед упадком страны».

¹⁶ «Теперь судьба моего сына предрешена; с каждым днем возрастают
 Его преступления; они в конце концов полностью прекратятся.
 Желательно уже этой ночью вынести приговор его преступлению».

Wenn Russlands Herrscher jetzt sein Blut vergießt,
So ist es Russlands Heil, dem er es zum Opfer bringt¹⁷.

В словах Екатерины возникает идея общественного порицания. Она боится за репутацию Петра:

Ich wäre untröstlich, wenn nach so vielen grossen Taten,
Durch Aleksejs Tod, sein Ruhm verloren ginge¹⁸.

Однако Петр уже все решил:

Nein, fallen muss er ! fallen, sterben !
Das will des Volkes Wohl, mein höchstes Gesetz¹⁹.

В последней сцене происходит разговор между отцом и сыном. Петр зачитывает ему приговор «*der Auslese der Heeresmacht und der Spitze der Reichsgrößen*» («высших чинов войск и главы империи») и сурово предупреждает, чтобы тот не думал просить у него пощады. Автор добавляет в это жестокое решение ноту сентиментальности. Чтобы избавить сына от позорной смерти на эшафоте, государь предлагает ему чашу с ядом. Опустошив чашу, Алексей приходит к отцу и долго обнимает его. Вскоре Меншиков сообщает всем, что царевич умер; Екатерина заливается слезами, а Крюйс замирает как пораженный громом.

Сразу же после своей публикации трагедия подверглась критике. Важным замечанием рецензента (помимо указания на некоторые лингвистические и поэтические неточности в не очень удачных фрагментах) было отсутствие, по его мнению, нравственной цели. Критик задавался вопросом: может ли мораль пьесы быть заключена в выражении «*salus populi suprema lex esto*» («благо народа – высший закон»), которое представляется опасным для народа и для политиков? [Vaderlandsche, S. 77].

Спустя два года в Гронингене (опять в провинции) была опубликована другая пьеса, написанная молодым драматургом Йоханнесом де Валем (Johannes de Wal): «Петр Великий. Трагедия» (*Peter de Groot. Treurspel*) [Wal]. С поэтической точки зрения это произведение гораздо более удачно²⁰. Язык пьесы стилистически выверен, и можно говорить об успешном драматическом опыте (за исключением некоторых слишком затянутых сцен). Удивляет то, что даже во второй четверти XIX в. драма русского царя могла взволновать голландскую публику, в чьей стране никаких исторических предпосылок для этого не было.

¹⁷ «Если владыка России сейчас прольет свою кровь,
Это спасение России, которой он приносит жертву».

¹⁸ «Я буду безутешна, если после стольких великих дел
Его слава будет потеряна из-за смерти Алексея».

¹⁹ «Нет, он должен пасть! Пасть, умереть!

Этого требует благо народа, которое для меня высший закон».

²⁰ По крайней мере по мнению одного из критиков. См.: [Vaderlandsche, 1837, S. 182].

В этой трагедии речь также идет о восстании: друзья царевича и приверженцы старых, допетровских порядков вынашивают план по освобождению наследника престола из темницы. Среди них, вероятнее всего, есть предатель, так как рискованный план доходит до ушей царя, и кружок заговорщиков оказывается под арестом. Царевичу грозит смерть, и изменники убеждены, что за суровым приговором стоит русская царица Екатерина:

Die List der Kaiserin
Beherrscht und zwingt sein Herz völlig nach ihrem Sinn;
Ihre höllische Staatskunst fordert, dass er das Leben lässt,
Und dass für ihr Glück die Hoffnung Russlands stirbt²¹.

Не все из заговорщиков «священного союза» убеждены в невиновности Алексея:

... ganz ohne Schuld ist er nicht,
Da er sein Vaterland nach eignem Willen verliess,
Und den kaiserlichen Befehl missachtete²².

Молодой голландский писатель изображает царя в момент раздумий о судьбе сына, которые доставляют ему тяжкие муки:

Jetzt, Peter, ist die Stunde der Schmerzen angebrochen
Dass Ihr entscheiden müsst. Eine schwere Aufgabe!
Der Vater muss dem Sohn ein gerechter Richter sein,
Im fürchterlichen Todesgericht²³.

Драматург даже оставляет Петру возможность примирения с сыном:

Ach, wenn Ihr meiner Stimme und sanftem Rate gehorchet
Und nicht oftmals das Elternherz durchbohret,
Durch Schand' und schlechte Aufführung²⁴.

---

²¹ «Хитростью императрицы

Его сердце полностью побеждено и покорено ее волей;
Ее дьявольская политика добьется того, что он расстанется с жизнью
И что во имя ее счастья надежда России умрет».

²² «...он отчасти виноват,

Так как он покинул отечество по собственной воле,
И пренебрег приказом императора».

²³ «Теперь, Петр, настал час горя,

Когда вы должны решить. Тяжкое бремя!
Отец должен быть справедливым судьей сыну
На страшном смертельном суде».

²⁴ «О, если бы вы послушались моего голоса и мягкого совета

И не часто пронзали насквозь родительское сердце
Бесчестием и дурными поступками».

Но в итоге государь приходит к выводу, что этого сына он потерял:

Ihr seid mein Sohn nicht mehr. Nein, ich habe andere Nachkommen
 Sie werden in meinem Alter mich trösten und lieb für mich sein,
 Sie werden mir helfen, das Leiden geduldig zu ertragen,
 Sie werden mit mir Gott um Vergebung beten²⁵.

Разговаривая с мужем, Екатерина упрекает царя:

Ihr Urteil, Peter, schwankt, das Vaterherz gebietet,
 Ihr hört die schwere Stimme des Rechtes und der Pflichten nicht!²⁶

Отвечая на его вопрос, может ли отец мстить своим детям, она переводит вопрос в другую плоскость – речь идет не о мести, а о судьбе России:

Ihr rächt nicht Euch selber, Ihr rächt Russlands Ehre,
 Ihr gebt Eurem Volke und Euch selber die Ruhe wieder,
 Ihr wollt nie Eure große Macht zu Russlands Elend missbrauchen,
 Oder wird er deshalb dem gerechten Lohn entkommen,
 Weil er sich Euren Sohn nennt, wenn gleich dieses Namens unwert ?
 Er, der Aufsässigkeit und Pflichtvergessenheit in sich vereint,
 Der Eid und Gesetz vergisst, was sag' ich ! der sein' Vater
 Verkennt, seinen Fürsten bedrängt ! Und solch' Landesverräter,
 Der jegliches Pflichtgefühl vergisst, schmäht und höhnt,
 Wird, Ordnung und Gesetz zuwider, als Fürstenkind verschont !²⁷

Екатерина обвиняет Петра в том, что его мягкость делает из него раба, и называет его злосчастливым царем. В конце долгого монолога она произносит:

Zeigt, Peter, wer Ihr seid,
 Willt auch Sieger sein, wenn Ihr Euch selber bekämpft,
 Gebt nicht nach, Recht und Ehre und Pflicht zu betrachten,

²⁵ «Вы больше мне не сын. Нет, у меня есть другие потомки, Они в старости утешат меня и будут мне милы, Они помогут мне терпеливо перенести страдания, Мы вместе попросим Бога о прощении».

²⁶ «Ваш приговор, Петр, сомнителен, сердце отца повелевает, Вы не слушаете убедительный голос правды и долга!»

²⁷ «Вы мстите не за себя, вы мстите за честь России, Вы вновь даруете вашему народу и себе самому покой, Своей огромной властью вы же не хотите принести беду России. Возможно ли, чтобы он избежал справедливого возмездия, Потому что называет себя вашим сыном, хотя недостойн этого имени? Он, кто сочетает в себе упрямство и отсутствие чувства долга, Присягу и закон забывает, что еще сказать! Кто своего отца Не признает, его звать преследует! И этот предатель, Который всякую честь презирает, оскорбляет и высмеивает, Будет, вопреки закону и порядку, помилован как сын царя!»

Sorget um Euer Vaterland, bewachtet Euer eigen' Leben.
 Ich fleh Euch an als Gattin, ich beschwöre bei unserer Liebe,
 Ich bitte als Untertan, ich fordere als Fürstin!²⁸

Конфликт формулируется автором в словах Меншикова, который спрашивает себя: «Kann Vaterliebe den Fürsten vom Wege des Rechts abbringen?» («Может ли любовь отца заставить сойти с пути правды?»). Толстой в ответ утверждает, что только сильное влияние Екатерины приводит царя к подлинно государственному поступку: «Nur des Fürsten grosser Gattin ist es zu danken, dass wir auf eine Lösung hoffen dürfen, / Die dem Reiche nützlich ist» («Стоит благодарить только супругу царя за то, что мы можем надеяться на решение, которое нужно империи»). Меншиков надеется, что Петр поведет себя как Брут и внемет голосу своей страны.

В молитве к Богу Петр выражает надежду на то, что Господь подскажет ему решение «das der Fürstenpflicht entspricht, das der Vaterliebe entspricht!» («которое соответствует и царскому долгу, и отцовской любви!»). Даже заступничество графини фон Кёнигсмарк не может спасти царевича²⁹. Духовнику Петра, который в отличие от церковников из пьесы Арента ван Халмаля не примыкает к заговорщикам, также не удастся удержать царя от вынесения приговора, имеющего большое значение для страны:

Nein, Kaiser, kein Gericht von Menschen
 Verpflichtet einen Menschen zu Kindermord³⁰.

На что Петр возражает:

Leider ist es mir nicht vergönnt ;
 Die gesamte Bürgerschaft wird mir diesen Schritt übel vermerken³¹.

После того как «dem niederträchtigen Verrat die Kraft entnommen ist» («низкое предательство потеряло силу») и заговорщики были арестованы, выясняется, что австрийский и голландский послы (Плейер и де Би) состояли в заговоре:

²⁸ «Покажите, Петр, кто вы есть,
 Станьте победителем, если вы победите самого себя,
 Не забывайте чтить правду, честь и долг,
 Заботьтесь о своей стране, охраняйте свою собственную жизнь,
 Я умоляю вас как жена, я клянусь нашей любовью,
 Я прошу как подданная, я призываю как царица!»

²⁹ Немного наивно и неуместно в пьесе звучит ее похвала в адрес Голландии: «Holland hat das Fundament für Russlands Wohl gelegt / Ihm gebührt bis Russlands End unser Dank» («Голландия заложила фундамент для блага России, / Ему <царю> следует вечно благодарить нас»). Далее следует поэтически выверенное признание в любви Голландии длиной в пять строф.

³⁰ «Нет, император, никакой людской суд
 Не принуждает убивать ребенка».

³¹ «К сожалению, это мне не суждено
 Этот поступок не понравится всему обществу».

Dass der österreichische Gesandte ihrem Streben wohlgesinnt war,
Und im Namen seines Fürsten aus der Reichskasse
Ihnen Unterstützung leistete. Welch' Schnödigkeit!³²

По приказу фельдмаршала голландский дипломат должен был отдать австрийскому послу задаток, чтобы поддержать заговорщиков. Плейер, конечно же, отрицает обвинения³³ и берет голландца де Би под свою защиту:

De Bie, Gesandter der holländischen Staten ?
Nie wird dieser edle Mann den heiligen Weg verlassen.
Er ist Bataver: das erklärt alles³⁴.

Плейер, в отличие от Петра, продолжает надеяться, что Алексей может быть прощен своим отцом, хотя «*nie wird seinetwegen meine Pflicht Ihnen gegenüber nachlassen!*» («из-за него мой долг перед вами никогда не будет забыт!»). Но эти надежды не могут сбыться: Алексей должен умереть. Голландский автор оставляет царевича умирать на руках у отца, от которого он получает *отцовское благословение*. Как именно умер Алексей, не показано. В любом случае его смерть была безболезненной.

В этой статье я остановился только на двух пьесах. Между тем в голландской литературе существуют десятки художественных произведений, в которых речь идет о трагической истории приговоренного к смерти наследника престола Алексея Петровича [см. также: Вагеманс, 2007, с. 53–68]. Как бы то ни было, эту тему я намерен продолжить изучать.

Вагеманс Э. Петр Великий в Бельгии. СПб. : Гиперион, 2007. 232 с.

Вагеманс Э. Царь в республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды. СПб. : Европейский дом, 2013. 253 с.

Рыженков М. Преступник или жертва // Ausstellungskatalog „Die Flucht des Zarewitsch“. Wien, Österreichs Staatsarchiv, 2012. S. 25–32.

Соловьев С. М. Царевич Алексей // Император Петр I Великий: энциклопедия / под ред. М. Л. Вольпе. М. : АСТ : Зебра Е, 2007. 416 с

Halmael, A. van. Peter de Groote, Zar van Rusland: Treurspel. Leeuwarden : G. T. N. Suringar. 1834. 84+12 p.

Koningsbrugge H. van. Het verhaal van twee verloren vriendschappen. De Nederlandse Republiek, Zweden en Rusland 1714–1725. Groningen, 2013. 220 p. Ills.

Scheltema J. Rusland en de Nederlanden beschouwd in derzelve wederkeerige betrekkingen. Amsterdam, 1818. Bd. III, IV.

---

³² «...что австрийский посол благоволил его стремлениям

И от имени своего правителя из государственной казны

Оказывал поддержку. Какое коварство!»

³³ О Плейере (Pleyer) см.: [Вагеманс, 2013, с. 127]; о роли голландского посланника Якоба де Би (Jacob de Bie) см.: [Koningsbrugge, p. 112–125].

³⁴ «Де Би, посол голландского государства?

Этот благородный человек никогда не свернул бы с верного пути.

Он голландец — это объясняет все».

- Schwarz I.* Die Flucht des Thronfolgers Aleksej // Ausstellungskatalog „Die Flucht des Zarewitsch“. Wien : Österreichisches Staatsarchiv, 2012. S. 7–10.
Vaderlandsche Letteroefeningen. 1835; 1837.
Wal J. de. Peter de Groote. Treurspel. Groningen, 1836.
Wittram R. Peter I Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Großen in seiner Zeit. Göttingen, 1964. Bd. II.

-
- Koningsbrugge, H. (2013). *Het verhaal van twee verloren vriendschappen. De Nederlandse Republiek, Zweden en Rusland 1714–1725.* Groningen.
 Ryzhenkov, M. (2012). Prestupnik ili zhertva [Criminal or victim]. In *Ausstellungskatalog “Die Flucht des Zarewitsch”* (pp. 25–32). Wien: Österreichisches Staatsarchiv.
 Scheltema, J. (1818). *Rusland en de Nederlanden beschouwd in derzelver wederkeerige betrekkingen.* (Bd. III, IV). Amsterdam.
 Schwarz, I. (2012). Die Flucht des Thronfolgers Aleksej. In *Ausstellungskatalog “Die Flucht des Zarewitsch”* (pp. 7–10). Wien: Österreichisches Staatsarchiv.
 Soloviev, S. M. (2007). Czarevich Aleksej [Tsarevich Alexei]. In M. L. Volpe (Ed.), *Imperator Petr I Velikij: e'nciklopediya.* Moscow.
Vaderlandsche Letteroefeningen. 1835; 1837.
 Vagemans, E. (2007). *Petr Velikij v Bel'gii* [Peter the Great in Belgium]. St. Petersburg: Giperion.
 Vagemans, E. (2013). *Czar' v respublike. Vtoroe puteshestvie Petra Velikogo v Niderlandy'* [Tsar in republic. The second trip of Peter the Great to the Netherlands]. St. Petersburg: Evropejskij dom.
 Wittram, R. (1964). *Peter I Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Großen in seiner Zeit.* (Bd. II). Göttingen.

The article was submitted on 23.08.2014

Translated by Evgeniia Kosych

Эммануэль Вагеманс
 профессор
 Бельгия, Левен
 Католический университет
 emmanuel.waagemans@telenet.be

Emmanuel Waagemans
 Professor
 Belgium, Leuven University
 emmanuel.waagemans@telenet.be